

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ (1945-1949 гг.)¹

В Германии весной и летом 1945 г. налицо был политический, экономический и морально-психологический хаос. Полная депрессия, постоянное чувство голода и страх перед будущим, - это было ежедневным состоянием подавляющего большинства немцев в «час ноль». На восстановление экономики и политических структур понадобились чрезвычайные усилия оккупационных властей и самих немцев. Тем более удивительно, что очень быстро, буквально в течение нескольких месяцев произошло культурное возрождение Германии. Автор настоящей статьи пытается хотя бы в первом приближении объяснить этот феномен, а также показать основные тенденции в развитии духовной жизни и культуры Германии первых послевоенных лет.

Эти тенденции определялись, на наш взгляд, четырьмя главными факторами. Во-первых, в наследие от времени нацистского господства и его преступной политики немцам достались невиданные разрушения и моральное опустошение. Происходило мучительное отрезвление нации и окончательный отказ от имперских иллюзий. Во-вторых, советская политика в Восточной Германии одновременно приводила к крушению симпатий, которые были у немалого количества немцев по отношению к коммунистам и их идеям в первые послевоенные годы. В-третьих, крушение Третьего рейха и безоговорочная капитуляция (в отличие от военного поражения 1918 г.), - лишали надежды тех, кто питал иллюзии о пересмотре когда-нибудь статуса Германии военными средствами. В-четвертых, оккупация, сроки которой не были определены, преследовала не только военные, политические и экономические цели. Оккупирующие державы впервые в истории войн поставили целью духовное возрождение побежденного немецкого народа на основах гуманизма и демократии.

¹ Автор использовал при написании статьи следующие источники и литературу: Советский Союз на международных конференциях периода Великой отечественной войны, 1941-1945 гг.: Сборники документов. Т.1-5. М., 1978 – 1984; СССР и германский вопрос. 1941-1949: документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 3-х тт. Т. 1-3. М., 1996, 2000, 2002; Борозняк А.И. Искушение. Нужен ли России германский опыт преодоления прошлого? М., 1999; Висков С.И., Кульбакин В.Д. Союзники и «германский вопрос» (1945–1949 гг.). М., 1990; Германская история в новое и новейшее время. Т. 2. М., 1970; Зачевский Е.А. «Группа 47» и становление западногерманской литературы. Л., 1989; Мертез М. Немецкие вопросы - европейские ответы. М., 2001; Семиряга М.И. Как мы управляли Германией. М., 1995; Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение. М., 1993; Benz W. Potsdam 1945. Besatzungsherrschaft und Neuaufbau im Vier-Zonen-Deutschland. 3. Aufl. München, 1994; Deutschland unter alliierter Besatzung 1945-1949/55. Benz W. (Hrsg.). Berlin, 1999; Freundliche Feinde? Die Alliierten und die Demokratiegründung in Deutschland. Oberreuter H. u.a. (Hrsg.). München, Landsberg, 1996; Glaser H. Deutsche Kultur 1945-2000. 2. Aufl. München, 2000; Kulturpolitik im besetzten Deutschland 1945-1949. Clemens G. (Hrsg.). Stuttgart, 1994; Naimark N. Die Russen in Deutschland. Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949. 2. Aufl. Berlin, 1999; Steininger R. Deutsche Geschichte seit 1945. Darstellung und Dokumente in vier Bänden, Bd. 1 (1945-1947), Bd. 2 (1948-1955), Bd. 3. (1955–1974), Bd. 4. (1974 bis zur gegenwart). Frankfurt/M., 2002.

Но только очень небольшая часть немцев - бывшие политзаключенные, противники национал-социализма из числа коммунистов и социал-демократов - рассматривали в 1945 г. военное поражение Германии как «освобождение». Подавляющее же большинство населения воспринимало все происходившее как национальную катастрофу. Ситуация, действительно, была катастрофической. Страна не просто потерпела поражение в войне. Рухнул государственный строй, который регламентировал жизнь. Не было правительства, парламента, политических партий, местных органов власти. Рухнули все мифы нацистской пропаганды о превосходстве арийской расы, о непобедимости немецкой армии и т.д. Людские потери были колоссальны: число погибших на полях сражений и мирного населения колеблется, по разным данным, от 4 до 10 млн. человек. В 1946 г. в Германии насчитывалось до 2,5 миллионов вдов войны, около 2,5 миллионов инвалидов, до 6 миллионов пострадавших от бомбардировок; женщин было на 7 миллионов больше, чем мужчин.

От бомбардировок и боевых действий было разрушено 162 города, многие из них лежали в руинах, большинство жителей ютились в подвалах или в полуразрушенных домах. Попытки переселиться в деревни были безуспешными, - крестьяне едва могли прокормить лишь себя. За марки почти ничего нельзя было купить. Самой твердой валютой были сигареты, лекарства и спиртное.

Дороги были заполнены миллионами едущих и идущих людей. Это были освобожденные узники концлагерей и иностранные рабочие, осиротевшие дети, возвращающиеся с фронта и из плена солдаты. Сколько их было, и сегодня точно не может сказать никто. К концу войны в плену у союзников находилось от 10 до 11 миллионов немецких солдат и офицеров. До сегодняшнего дня нет достоверных цифр о количестве насильственно переселенных по решениям Потсдамской конференции немцев и погибших при этом переселении. Обычно исследователи пишут о двенадцати миллионах человек, депортированных из Польши, Чехословакии, Венгрии, Восточной Пруссии, которые в массе своей стремились попасть в западные зоны оккупации.

Холод, голод и нужда первых послевоенных лет ограничивали для большинства немцев жизненную перспективу и сводили ее к индивидуальной борьбе за выживание. В большинстве семей оплакивали погибшего или пропавшего без вести мужа, отца или сына. Собственные страдания делали большинство людей неспособными к восприятию преступлений немцев и осознанию их вины. К тому же, в первые послевоенные годы было не так мало тех, кто продолжал верить в величие фюрера, подло преданного своими соратниками; в то, что национал-социализм был «истинным путем» германского народа.

Немецкая политическая культура первых послевоенных лет была сложным явлением, где сочетались и отказ от нацистской идеологии, и от немецкого национализма кайзеровской эпохи, и от романтических настроений Веймарской республики. Их место заняла полная политическая индифферентность или даже апатия. В западных зонах были сильны федералистские настроения и рано выраженные симпатии к европейскому единству. В советской зоне немцы были фактически избавлены от конфликта с национал-социалистическим прошлым, ибо рождавшаяся там новая система во главу угла ставила антифашизм. А из этого должно было следовать, что она не имеет ничего общего с германским прошлым до 1945 г.

Причем, вина за совершенные нацистами преступления, за военное поражение и все беды, постигшие Германию, легко перекладывалась большинством немцев исключительно на Гитлера и его окружение. Себя же они искренне считали только беспрекословными, бессильными, обязанными к безоговорочному повиновению орудиями в руках фюрера. Деликатный вопрос о том, что же заставило их стать «добровольными подручными Гитлера» (выражение американского историка Д. Голдхагена) предпочитали в первые послевоенные годы не задавать, а тем более на него не отвечать.

Союзники по антигитлеровской коалиции еще в ходе войны предполагали, что они установят контроль над немецкой духовной жизнью. Без этого невозможно было осуществить денацификацию и демократизацию. При планировании развития средств массовой информации в оккупированной Германии в качестве первого шага был предусмотрен полный запрет какой-либо публицистической деятельности самих немцев. Предполагалось, что немецкие журналисты придут в лицензированные газеты и радиостанции только после прохождения денацификации, и будут работать под контролем союзников.

В США еще до окончания войны был выдвинут тезис о «коллективной вине» немецкой нации за преступления нацистов. В соответствии с ним немцы не могли сами освободиться от наследия гитлеризма, поэтому был разработан план «перевоспитания» немецкого народа (Re-education) с помощью культуры, которое позднее стало пониматься как переориентация (Re-orientation) и должно было, по мнению американцев, привести к радикальным демократическим изменениям в общественной жизни Германии.

Весной 1945 г. в штате Род-Айленд был организован «Учебный центр для военнопленных», где из немецких военнопленных осуществлялась подготовка так называемого «резерва духовной элиты». Всего из 400 000 немецких солдат и офицеров, которые содержались в 133 американских лагерях, в этот центр было отобрано несколько тысяч человек. Они слушали лекции по истории США и Германии, по экономике, социологии и др. В качестве преподавателей выступали американские профессора, им ассистировали немецкие эмигранты. Военнопленные изучали азы американской демократии, которая превозносилась как лучшая в мире модель государственного устройства. Всего же в американских лагерях для немецких военнопленных выходило 137 газет и журналов!

Аналогичная и также достаточно либеральная политика по отношению к немецким военнопленным проводилась в Англии. В СССР военнопленные широко использовались в качестве бесплатной рабочей силы. С другой стороны, для них создавались различные курсы, «антифашистские школы», где слушателям внушалось, что лучшей в мире моделью государственного устройства является «советская социалистическая демократия». Причем, советское руководство гораздо раньше (уже в июле 1943 г.), чем английское или американское, начало последовательно готовить из немецких военнопленных кадры будущей, просоветской политической элиты.

Союзники (прежде всего США и СССР) готовили специально профилированных офицеров («культур-офицеров»), хорошо знакомых с немецкой историей, философией, литературой, живописью, музыкой, а также с нравами и традициями отдельных немецких земель. В качестве консультантов широко

использовались немецкие и австрийские интеллектуалы, которые по политическим или расовым мотивам оказались в эмиграции, а весной 1945 г., вместе с армиями союзников или позднее, как реэмигранты, возвращались в Германию. Например, широко известный писатель Альфред Деблин работал как «культур-офицер» во французской оккупационной зоне.

Современники и исследователи отмечают, что сразу после окончания войны в Германии наблюдался невероятный «культурный голод» среди населения. Доступ к культурным ценностям был тогда для многих немцев не менее важным, чем питание, топливо или крыша над головой. Союзники видели это и делали все необходимое, чтобы по возможности быстро удовлетворить культурные потребности, но одновременно вынуждены были проводить и широкую денацификацию в сфере культуры. Так, в американской зоне список деятелей культуры, которые должны были пройти процедуру денацификации, включал 1400 фамилий работников издательств, театров, прессы, радио и т.д., из них около 600 было в результате полностью отстранено от работы. Аналогичным образом поступали и в других оккупационных зонах, наиболее радикально – в советской.

В послевоенной Германии между Советским Союзом и западными державами имела место конкуренция не только в области политики, но и в области культуры. Каждая из оккупирующих стран стремилась пропагандировать среди немцев свои традиции и собственную национальную культуру. Немцы испытали тогда буквально натиск американской, советской, британской и французской литературы, фильмов, музыки и т.д. Этот «культурный экспорт» осуществлялся через прессу, радио, кинотеатры или специальные «дома» («Америка-хаус», «Дом советской культуры» и др.).

Несмотря на ряд ограничений (выдача лицензий на издание газет и журналов, разрешений на постановку спектаклей, цензура прессы и т.д.), а также запрет критики оккупационных властей, культурная жизнь развивалась во всех четырех зонах довольно свободно. Даже в советской зоне на начальном этапе оккупации было допущено наличие широкого спектра течений в области духовной жизни и культуры. В качестве общей тенденции духовной жизни послевоенного времени можно назвать возврат к ценностям классической культуры и искусства, в особенности эпохи «Веймарского классицизма».

Большую роль в духовном возрождении сыграла церковь обоих исповеданий. Священники в своих проповедях ставили вопрос о необходимости признания вины немцев за военные преступления. Они пытались с религиозно-метафизической точки зрения объяснить «немецкую катастрофу» как отречение или отход от бога, а успех нигилистически-тоталитарной демонии Гитлера – как кульминацию этого развития. Католические публицисты подчеркивали очень сильное влияние пруссачества, искали корень зла даже в Реформации и в сочинениях Мартина Лютера. «Час ноль» в сфере духовной жизни у немцев во многом ассоциировался с «часом церкви».

Одним из важных событий духовной жизни послевоенной Германии стало основание 4 июля 1945 г. «Культурбунда» как союза деятелей немецкой культуры по демократическому обновлению страны. Инициаторами его создания стали Йоханнес Р. Бехер, Бернхард Келлерманн, доктор Фердинанд Фриденсбург и др. «Культурбунд» объединил людей многих профессий: ученых и писателей, актеров и журналистов,

врачей и художников, музыкантов и педагогов; представителей всех мировоззренческих направлений; христиан обоих вероисповеданий; либералов и марксистов.

Они совместно обсуждали исторические условия возникновения национал-социализма; искали его предшественников в немецкой духовной истории; пытались выяснить причины широкого распространения расовых теорий, антисемитизма, милитаризма и т.д. В 1946 г. по всей Германии насчитывалось 42 группы «Культурбунда». За два года (до запрета осенью 1947 г. в западных зонах) «Культурбунд» провел многочисленные дискуссии по самым животрепещущим проблемам прошлого, настоящего и будущего Германии. Его вклад в понимание происхождения и сущности нацизма, в причины «немецкой катастрофы» был очень значителен.

Сам термин «немецкая катастрофа» берет начало от названия книги известного немецкого историка Фридриха Майнеке, вышедшей в 1946 г. Но научная дискуссия о причинах катастрофы началась еще в эмиграции: на страницах журнала «Фрайес Дойчланд», выходившего в Мехико, за 1943-1945 гг. было опубликовано несколько десятков статей, где делалась попытка с разных позиций объяснить причины краха Веймарской республики и установления нацистской диктатуры. Ответом на социал-демократическую версию катастрофы, изложенную в статьях и книгах Ф. Штампфера, О. Брауна и др., стало издание в Мехико на немецком языке книг авторов-коммунистов П. Меркера «Германия - быть или не быть?» и А. Абуша «Ложный путь одной нации».

Сам Ф. Майнеке с либеральных позиций объяснял катастрофу особенностями немецкой идеологии и истории. С одной стороны, он демонизировал роль Гитлера как «злого духа», сумевшего завоевать массы, но и осуждал, с другой стороны, правоконсервативные круги Германии (крупных промышленников, прусскую аристократию и др.), которые содействовали приходу нацистов к власти. Майнеке призывал покончить с прусскими и милитаристскими традициями.

Один из самых известных консервативных историков того времени Герхард Риттер в книге «Европа и германский вопрос», опубликованной в 1948 г., сформулировал ставшую впоследствии очень популярной идею о том, что нацизм был «несчастливым случаем» немецкой истории, «разрывом» с ней. Риттер, в отличие от Майнеке, призывал сохранить наследие Бисмарка и Фридриха Великого, а также «положительные традиции пруссачества».

В декабре 1945 г. закончил свою книгу «Государство СС» бывший узник Бухенвальда Ойген Когон. Это была первая книга о нацистских лагерях смерти. Автор пытался побудить немцев осознать свою вину, задать себе и попытаться ответить на мучительный вопрос: «Как же все это стало возможным?»

С классовых, марксистских позиций на этот вопрос отвечали в своих книгах коммунисты: Вальтер Ульбрихт в 1946 г. («Легенда о немецком социализме»), Альберт Норден в 1947 г. («Уроки германской истории»). С позиций философа в курсе лекций «О современной духовной ситуации» перед студентами Гейдельбергского университета пытался дать ответ профессор Карл Ясперс. Тексты этих лекций вышли в 1946 г. в виде отдельной книги «Проблема вины». Ясперс призывал немцев к «обвинению изнутри».

Но эти призывы были плохо услышаны. Пока шел Нюрнбергский процесс, дискуссии о нацизме и проблеме вины продолжались, но в 1947-1948 гг., в условиях

сворачивания денацификации, разгоравшейся холодной войны и фактического раскола Германии, эти дискуссии сошли на нет, – немцы старались забыть о недавнем прошлом и не отвечать на сформулированные в первые послевоенные годы, как назвал их в своей книге «Искушение» А.И. Борозняк, «проклятые вопросы»: Была ли нацистская диктатура продуктом германской истории или же воплощением абсолютного разрыва связей с традициями прошлого, неким «особым» путем развития? Можно ли было предотвратить установление нацистских порядков в Германии? Кто несет ответственность за утверждение режима, за его преступления? Почему стала возможной массовая поддержка преступного государства?

Общим среди союзников было понимание того, что все печатные издания, имевшие нацистское, расистское или милитаристское содержание, должны быть изъяты; что фашизм должен быть лишен своих духовных корней. Для этого началась массовая чистка библиотек, причем в разных зонах, и даже в разных землях и городах одной зоны степень радикальности этой чистки была неодинаковой.

Окупационные власти, «очищая» духовную жизнь Германии от наследия национал-социализма, активно привлекали к этому делу самих немцев, которые проявляли при этом большое усердие, иногда, впрочем, доходившее до абсурда. Например, в Берлине была создана специальная «городская экзаменационная комиссия» для удаления из библиотек «нацистской литературы». По ее решению в разряд «нацистов» попало около 700 авторов художественных произведений и примерно 1500 авторов политических и научных работ разных времен, не имевших никакого отношения к национал-социализму. Но их книги были «удалены» из библиотек. «Удалялись» и отдельные произведения некоторых авторов, например, К. Гамсуна, Х. Трейчке, Х. Фаллады, Ф. Ницше и др.

На межзональном уровне общим был список, подготовленный в мае 1946 г. библиотекой Лейпцига. Список включал 15.000 названий книг и 150 наименований журналов «фашистского и милитаристского содержания», которые могли пропагандировать расовые теории или быть направлены против политики союзников, и которые подлежали изъятию.

С точки зрения культуры «час ноль» был, конечно же, и часом радио. В первые месяцы после войны из-за острого дефицита газет (не хватало бумаги, краски, транспорта и т.п.) радио выполняло функции, которые раньше выполняли газеты, плакаты, доски объявлений, рекламные листы и пр. Однако очень скоро начали возрождаться детские, женские, литературные программы и т.д. Конечно же, радиопередачи были не только источником информации, теперь немцы могли безнаказанно слушать радио Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Москвы, наслаждаться джазом и другой, «неарийской» музыкой.

В советской зоне уже с лета, а в западных зонах позднее, - с осени 1945 г., - регулярными становятся радиообращения к населению немецких политиков и профсоюзных деятелей. Но пути развития радиовещания в советской и западных зонах быстро разошлись. В Тризонии осенью 1948 г. и весной 1949 г. по образцу английской Би-Би-Си было учреждено (на базе работавших до этого под контролем окупационных властей) 6 общественных радиостанций. В Восточной же Германии уже в конце июля 1945 г. Советская военная администрация в Германии (СВАГ) поставила радио под надзор центрального управления по народному образованию, где преобладали коммуни-

сты. А 15 августа 1946 г. радиостанции Лейпцига, Веймара и других городов были объявлены «народной собственностью» и стали важнейшим пропагандистским средством для распространения влияния коммунистических идей.

Другим важнейшим источником информации, наряду с радио, были газеты. Главной газетой советской военной администрации в Восточной Германии стала газета «Тэглихе рундшау» (Ежедневное обозрение»). Ее первый номер вышел 15 мая 1945 г., она выходила самым большим тиражом (в 1947 г. – 1,2 млн. экземпляров) среди газет союзников.

Новая пресса в западных зонах оккупации началась с издания восьми газет при штабах англо-американских армий на немецком языке. К лету 1945 г. их общий тираж составлял почти четыре миллиона экземпляров; затем они стали, по сути, региональными изданиями и получали названия «курьер», «вестник» или «голос» («Кельнский курьер», «Аугсбургский вестник» и др.). Параллельно шла выдача лицензий для начала издания собственно немецких газет. 27 июня 1945 г. была выдана первая лицензия, а всего до сентября 1949 г. в четырех зонах оккупации было выдано около 400 лицензий на издание газет и журналов.

Но «преобразование» сущности газет, журналов и издательств в советской зоне было типичным примером советского «дирижизма». В то время как западные оккупационные власти принципиально предоставляли лицензии частным лицам, в советской зоне право издавать газеты и журналы, создавать собственные издательства и использовать находящиеся в советском распоряжении типографии получили, прежде всего, партии и общественные организации.

Особенно интенсивной культурной жизнью после войны жил разделенный на четыре сектора Берлин. Несмотря на руины, Берлин переживал «культурную весну» театров и кабаре: с июня до декабря 1945 г. там состоялась 121 премьера! Но, разумеется, теперь Берлин уже не мог претендовать на роль культурной метрополии Европы.

Вслед за Берлином очень скоро после окончания войны и в других немецких городах возобновился концертно-театральный сезон. Так, мюнхенская филармония пригласила слушателей на концерт уже 8 июля 1945 г., в Ганновере премьера оперы «Паяцы» состоялась 11 июля, в Эссене 12 августа начались «моцартовские концертные вечера». Наряду с классикой звучала музыка межвоенного модерна 20-30-х годов. На сценических площадках блистали Бела Барток, Игорь Стравинский, Пауль Хиндемит. В небольших городах двери театров открылись осенью 1945 г. Симптоматично, что среди спектаклей преобладали постановки немецкой классики: «Ифигения в Тавриде» И.В. Гёте, «Натан Мудрый» Г.Э. Лессинга и др.

А вот книгоиздание возрождалось очень медленно. В первые послевоенные месяцы (из-за нехватки бумаги, разрушенного оборудования и денацификации) издательства печатали преимущественно брошюры объемом не более 30 страниц на дешевой газетной бумаге. В основном это были переиздания литературной классики и научно-технических публикаций. Новинки же художественной литературы публиковались преимущественно в журналах. Причем, в первые послевоенные годы наблюдалась настоящая «журнальная лихорадка». К 1947 г. во всех четырех зонах выходило около 150 различных журналов, из них литературных - 72.

Наибольшей популярностью пользовались такие журналы как «Дер Руф», «Франкфуртер Хефте», «Ди Вандлунг», «Ланцелот», «Гайстиге Вельт», «Гегенварт» и др. Самым популярным и читаемым журналом в 1946-1949 гг. был «Дер Руф» («Призыв»). Его тираж в 1948 г. (100.000 экземпляров) превышал даже тираж такого популярного иллюстрированного еженедельника как «Шпигель» (65.000 экземпляров).

Эта «журнальная лихорадка» была отражением потребности немецких интеллектуалов выразить свое отношение к судьбам родины. Вокруг журналов, газет, издательств нередко возникали творческие объединения. Самым известным из них стало писательское объединение «группа 47». Оно было основано в сентябре 1947 г. как творческий союз молодых литераторов (Альфред Андерш, Вальтер Кольбенхоф, Ханс Вернер Рихтер и др.), сплотившихся вокруг журнала «Дер Руф». Но сложилось так, что именно «группа 47» будет во многом определять развитие литературы ФРГ на протяжении последующих двух десятилетий. Ее наиболее именитым членом станет Генрих Бёлль.

Повсеместно проводились литературные чтения, где писатели знакомили слушателей со своими новыми произведениями. Широкий резонанс получили романы Элизабет Ланггессер «Неизгладимая печать», Германа Казака «Город за рекой», Бернхарда Келлермана «Пляска смерти», Ханса Фаллады «Каждый умирает в одиночку». Едва ли не самый большой успех имел роман Германа Гессе «Игра в бисер».

Серьезное влияние на послевоенное поколение оказали рассказы Генриха Бёлля, а также творчество рано умершего Вольфганга Борхерта (1927-1947), особенно его пьеса «На улице перед дверью», где главный герой Бекман олицетворяет собой обманутое нацистами поколение, всех вернувшихся с войны солдат. В этих произведениях авторы пытались реалистически изобразить фашизм и войну, ставили вопрос о том, кто виноват в случившемся с Германией и с немцами.

Наиболее известными поэтами того времени были Йоханнес Р. Бехер и Бертольт Брехт. Бехер уже в 1946 г. публикует сборник стихотворений «Возвращение на родину», в 1948 г. – сборник «Народ, блуждающий во мраке», в которых отразились и радость от возвращения, и вера в новую жизнь, и тяготы первых послевоенных лет. Брехт в 1947 г. пишет «Анахроническое шествие, или свобода и демократия» – эпическую аллегорию, где сопоставляет развитие в западных и советской оккупационных зонах, явно отдав предпочтение последней.

Серьезную роль в деле духовного возрождения и очищения от нацистской идеологии сыграл театр. Хотя из почти 200 немецких театров более 90 оказались разрушенными, театральный сезон начался уже осенью 1945 г. Причем, билеты были дорогими, но многие немцы были готовы пожертвовать самым дорогим в то холодное и голодное время – обменять булку хлеба или брикет угля на билет в театр.

Наиболее востребованными и тепло принятыми публикой оказались пьесы Карла Цукмайера «Генерал дьявола», Германа Казака «Город за рекой», Вольфганга Борхерта «На улице перед дверью», Бертольта Брехта «Мамаша Кураж». Ставились также экзистенциалистские пьесы Жана-Поля Сартра, Теннесси Уильямса, Альбера Камю. В большинстве этих постановок делалась попытка объяснить средствами искусства - кто же виновен в случившейся катастрофе; почему диктаторские режимы могут быть жизнеспособными.

собными; но одновременно звучал оптимистический мотив - даже самое жестокое государство неспособно умертвить главные проявления жизни: любовь, дружбу, верность христианским принципам и добродетелям.

Едва ли не центральным местом для развлечений молодежи времени развалин стали бывшие бомбоубежища, подвалы домов, наскоро оборудованные под клубы, бары, варьете, «джаз-подвалы», «подвалы-рестораны» с музыкальными ревью и шоу. Как грибы после дождя повсеместно возникали школы танцев и танц-клубы. Но джаз был популярен все же преимущественно у молодежи, большинство пожилых немцев по-прежнему не хотело признавать «негритянское искусство».

Одной из важнейших задач в области духовной жизни, которую поставили перед собой союзники, была задача начать учебный год в школах и вузах уже осенью 1945 г. Между тем, много школьных зданий использовались как лазареты, как лагеря для беженцев, для размещения потерявших жилье от бомбежек и для целей оккупационных властей. Например, в Гамбурге из 400 уцелевших школ в сентябре 1945 г. по назначению использовалось только 60.

Однако самой большой проблемой для школ была проблема преподавания: в Баварии в 1946 г. на одного учителя приходилось 65 учеников (в 1939 г. было 44); в Шлезвиг-Гольштейне - 78 (в 1939 г. - 39) и т.д. Многие погибли на войне, многие подверглись денацификации: в американской оккупационной зоне, например, за 1945 год 50 % учителей было отстранено от преподавания, в советской зоне этот процент достигал 70!

В школах не хватало парт, досок, мела, тетрадей, - всего, что всегда казалось абсолютно привычным. Катастрофически не хватало учебников, особенно по истории, литературе, географии. Нацистские учебники, изданные миллионными тиражами, необходимо было изымать, а взамен (при разрушенных типографиях, нехватке бумаги) переиздавать учебники периода Веймарской республики или писать новые.

Трудности были колоссальные, но работа начиналась, а трудности постепенно преодолевались. Осенью 1945 г. во многих школах и вузах всех зон оккупации начались занятия. Но если в западных зонах возобладала концепция аполитичности школы, то в советской зоне за 1945-1946 гг. было осуществлено кардинальное реформирование системы образования, она была подчинена главной цели - построению социализма в Восточной Германии.

Если в западных зонах, по мере проведения денацификации и демократизации, и без того неглубокое вмешательство оккупационных властей в культурную жизнь свелось к минимуму, то в советской зоне СВАГ и Социалистическая единая партия Германии все более начинают связывать культуру с идеологической борьбой. В 1948 г. происходит резкий поворот от относительно либеральной политики СВАГ в сфере культуры к «советизации» культурной жизни, к насаждению идеологии «марксизма-ленинизма-сталинизма». Была развернута шумная кампания против «формализма», «экзистенциализма», «социал-демократизма», «антисоветизма» и «декадентского» влияния в искусстве.

Итак, в «час ноль» нацистская культура и нацистская идеология были очень быстро отринуты большинством немцев. Здесь в первую очередь сыграли свою роль многовековые культурные традиции Германии. Сказались и усилие союзников, чей курс на то, что с помощью культуры можно осуществить «перевоспитание» и «переориентацию» немцев, в целом оказался верным.